

Протоиерей Сергей Звонарёв

Опыт церковной дискуссии о высшем управлении Российской Церкви

К 115-ЛЕТИЮ
ПРЕДСОБОРНОГО
ПРИСУТСТВИЯ

Работа Предсоборного Присутствия над преобразованием высшей церковной власти и управления не могла быть ограничена обсуждением состава и компетенции членов ожидаемого церковным обществом в 1906 году Поместного Собора Всероссийской Церкви, осуществиться вне поиска путей реформирования Святейшего Синода. Необходимо было выстроить систему, в которой нашлось бы место не только Синоду, но и Первоиерарху Церкви, а также периодически созываемому Поместному Собору. Нужно было подумать и о новых принципах взаимоотношений Церкви и государства, коль скоро высшее церковное управление предполагалось подвергнуть серьезным изменениям. Данные темы и стали предметом обсуждений членов Присутствия, результатом которых явились конкретные проекты церковных преобразований.

Окончание. Начало см.: ЖМП. 2021. № 4

«Утренняя звезда надежды»: Патриарх — председатель Синода и Первоиерарх Русской Церкви¹

Восстановление института патриаршества, в силу значимости для вопроса преобразования высшего церковного управления, явилось предметом оживленного обсуждения в I отделе Присутствия. По словам Н. Н. Глубоковского, «вопрос о председателе Синода — по связи с патриаршеством — оказался до крайности сложным по воспоминаниям прошлого, по ассоциациям настоящего и по предведениям будущего»².

Члены Присутствия задавались вопросами, от ответов на которые зависел выбор пути реформирования всей системы высшего управления Российской Церкви. Следует ли Русской Церкви иметь Первоиерарха или достаточно ограничиться председателем Синода? Первоиерарх будет Патриархом, каким его знала Русская Церковь в XVI–XVII веках? Объем его властных полномочий будет ограничен каноническими правилами (34-м Апостольским и 9-м Антиохийского Собора)

или будет выходить за их пределы и определяться современными нуждами Русской Церкви? Каково предполагаемое соотношение между Первоиерархом и Синодом, чей приоритет возобладает? Называть ли Первоиерарха Патриархом или предоставить ему другой титул? Обращение к журналам и протоколам Предсоборного Присутствия дает ценный опыт академической дискуссии по всему перечню поставленных вопросов. В ходе полемики привлекались нормы канонического права, комментарии авторитетных канонистов древности, исторические сведения и факты из прошлого Русской Церкви и Церквей православного Востока. Несмотря на полярность мнений, порой острый эмоциональный накал в дискуссии pro et contra, члены Присутствия находили возможность солидаризироваться с близкими мнениями, умели слушать оппонентов, не опускались до уровня перепалки. Все это свидетельствует о высокой культуре диалога, сформировавшей атмосферу предсоборного органа.

Акефалия Синода, выраженная в бесправии первоприсутствующего его члена³ и необоснованном объеме полномочий обер-прокурора, признавалась недостатком существовавшей

Фото Михаила Еремина

Храм святого благоверного великого князя Владимира в помещении Московского епархиального дома в Лиховом переулке

тогда синодальной системы высшего церковного управления, возбудившим реформационный процесс и деятельность Присутствия. Председатель Синода, который в таком случае воспринимался и как первый епископ (по факту управления столичной епархией), наделялся необходимым объемом полномочий для полноценного ведения дел и решения церковных вопросов в коллегиальном органе, ему предоставлялась возможность прямого доступа по церковным делам к императору. Рядом церковных экспертов это воспринималось как достаточное преобразование системы управления Российской Церковью. Другие эксперты были не согласны с такой постановкой вопроса и полагали, что первый епископ должен быть не только председателем Синода с кругом служебных прав и обязанностей, но и Предстоятелем Поместной Русской Церкви. Наконец, существовало и третье мнение, впрочем, не имевшее большого числа сторонников, заключавшееся в том, что Русской Церкви нужен Патриарх с властными полномочиями, возвышавшими его над всеми епископами; при нем бы состоялся Синод. Нетрудно догадаться, что такая точка зрения не была популярна, так как набирали обороты идеи политических, гражданских и социальных прав и свобод.

В лагерь противников восстановления патриаршества вошли протоиерей Ф.И. Титов, Ф.Д. Самарин, М.А. Машанов, В.И. Несмелов, А.И. Бриллиантов и Н.Д. Кузнецов. Однако этот лагерь не был сплоченным. Одни из его представителей (например, Н.Д. Кузнецов, М.А. Машанов и В.И. Несмелов) не находили полезным для Российской Церкви возрождать институт Предстоятеля — Патриарха, другие (прот. Ф.И. Титов и присоединившийся В.З. Завитневич) хотя и были непримиримыми противниками восстановления русского патриаршества XVI–XVII веков, но считали, что у Российской Церкви должен быть Предстоятель.

По мнению Н.Д. Кузнецова, выделять главу духовенства и предоставлять ему права, какие имели Патриархи в истории, вредно для интересов Российской Церкви и не соответствует задаче утверждения соборности во всех сферах церковной жизни и управления. Он полагал, что на будущего Патриарха возлагается много несбыточных надежд, не имеющих достаточных оснований ни в прошлом, ни в настоящем⁴. Церковный эксперт остался верен своей позиции и на Поместном Соборе 1917–1918 годов.

В отличие от противников в Предсоборном Присутствии, группа сторонников восстановления

*Современный вид здания
в Лиховом переулке в Москве,
где проходил Священный Собор
Российской Православной
Церкви 1917–1918 гг.*

Фото Михаила Еремينا

в Русской Церкви патриаршества была довольно сплоченной. В ней выделялся архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий). В I отделе Присутствия прямо и недвусмысленно звучали слова в пользу патриаршества со стороны А. И. Алмазова, И. И. Соколова, А. А. Киреева, К. Д. Попова. Юристы и канонисты И. С. Бердников и М. Е. Красножен обосновывали необходимость наличия в Российской Церкви Предстоятеля и наделения его полномочиями созыва Соборов, председательствующего на них и наблюдающего за исполнением их постановлений, в том числе Синодом. Другим важным полномочием, приличествующим Патриарху, и на отсутствие которого в существующей системе синодального управления обращали внимание члены Присутствия, был прямой выход с докладом к императору по всем важным церковным делам. Для общения с российским монархом по нуждам Церкви нужна была сопоставимая величина, и такой величиной мог быть не председатель Синода, но Предстоятель многомиллионной Русской Церкви — Патриарх. Целесообразность облечения Первоиерарха Русской Церкви именно в сан Патриарха виделась в традиции, существовавшей в древних Поместных Церквях. М. Е. Красножен обращал внимание коллег в I отделе Присутствия на именование глав Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей Патриархами. И если

их весьма немногочисленная паства имела своими предстоятелями Патриархов, то тем более это заслуживала многомиллионная паства Русской Церкви⁵. Ведь Предстоятель Русской Церкви должен был обладать правомочием вступать в сношения с Поместными Православными Церквями, а для этого иметь адекватный его месту в диптихе титул, который соответствовал бы достоинству Российской Церкви. Наконец, именно титул Патриарха был знаком верующему народу в России, его сан вызывал ассоциации с верховным пастырем и отцом.

Н. Н. Глубоковский применительно к обстоятельствам современности защищал идею централизации церковной власти в руках Патриарха: «Нам нужно, чтобы кто-нибудь разбудил, сплотил и одушевил нас, сам вдохновляясь одушевлением солидарной массы»⁶. С еще большим эмоциональным накалом он пророчески восклицал: «Надвигаются тяжелые времена, когда, может быть, потребуются отстаивать даже права на особое бытие наше. Нужно будет собраться вокруг священного знамени нашего, которое должен же кто-нибудь поднять, держать и нести впереди нас! И я лично боюсь не папоцезаризма русского, а того, что — при отсутствии главы и предстоятеля Русской Церкви — у нас в самую роковую минуту не найдется немедленно готового мужа, кому бы все мы едиными устами

сказали: началовождь нам буди!»⁷ Пожалуй, самые восторженные оценки решению Присутствия о необходимости восстановления патриаршества в Российской Церкви дал архиепископ Вольнский Антоний: «...полнота православной церковной жизни кому-то мешала, мешала нашему западному нехристианскому бытовому укладу, а повторяемые мне софизмы Регламента не только не оправдывали для меня отмену патриаршества, но своей фальшью резали мне сердце и слух, как противный визг неочищенного грифеля по скользкой аспидной доске»⁸.

Предсоборное Присутствие, усвоив первому епископу, который должен был стать председателем Синода и Предстоятелем Поместной Русской Церкви, титул Патриарха, решило задачу, поставленную перед этим органом. Цель заключалась в поиске путей устранения недостатков существующего строя синодального управления; главные из них усматривались в безглавии Церкви и ее зависимости от государственной власти и чиновничьего начала. Присутствие, исходя из нужд Российской Церкви, смоделировало такой образ Патриарха, который был отличен как от русского исторического, так и от византийского. Этот новый Патриарх должен был стать важным элементом автономного управления Церкви, по крайней мере в том его виде, который мог быть позволен в те времена государством и в каком была заинтересована сама Церковь.

Повременные Соборы Российской Церкви

Предсоборное Присутствие сделало решительный шаг в определении принадлежности высшего церковного управления, по образному выражению архиепископа Димитрия, «выше высшего» — Поместному Собору. Конструированием Повременного Собора завершилось формирование системы высшего управления Российской Церкви.

Члены Присутствия полагали, что Чрезвычайный Поместный Собор и Повременные Соборы должны находиться в единой связи как по составу участников, так и по формату работы и способам принятия решений⁹. Разница между ними будет иметь технический характер: Чрезвычайный Собор готовится Присутствием, разрабатывает положения о составе Собора и порядке

производства дел, что должно стать нормативной основой для созыва и работы такого Собора. Положения о Повременных Соборах Российской Церкви рассматривались лишь как материал для работы Чрезвычайного Собора, призванного установить место и роль Повременных Соборов в системе высшего церковного управления в будущем¹⁰. По словам митрополита Санкт-Петербургского Антония, «Собор сам себе великий господин»¹¹. Этим Высокопреосвященный председатель озвучил мысль о том, что разработки Присутствия о Повременных Соборах — это рабочий материал, который «великий господин» может использовать по своему усмотрению.

Согласно положениям о Повременных Соборах Российской Церкви¹², высшее церковное управление принадлежит периодически созываемому Поместному Собору епископов под председательством Патриарха. Собор и Синод, несмотря на то что объявлялись частью высшего церковного управления, мыслились членами Присутствия не равными, а положение Собора «выше высшего» должно было подчеркнуть его особый характер. Кроме того, Синод, как постоянный орган высшего управления Российской Церкви, по мнению ряда экспертов, должен был действовать в границах, отведенных ему Собором, в частности, приводить в исполнение соборные постановления. Синод мыслился подчиненным Собору исполнительным органом. Собор мог контролировать деятельность Синода, а также руководить ею¹³. Особое значение Собора подчеркивалось и указанием на то, что ему принадлежит законодательная, руководящая (административная), ревизионная и высшая судебная власть. Такая установка помогала избежать двоевластия, поскольку органом церковной власти в строгом смысле являлся Собор, а не Синод.

Дискуссия среди членов Присутствия по вопросу разграничения компетенций Синода и Собора возникла вследствие формирования новой, ранее неизвестной Русской Церкви модели высшего церковного управления, сочетающей и тот и другой орган, к коим добавлялось еще патриаршество. До петровских преобразований Русской Церкви были известны институт митрополичьего и патриаршего управления, а также Соборы. Затем патриаршество было

заменено Синодом, а Соборы фактически перестали собираться. Теперь же предполагалось установить одновременное сосуществование Синода, возглавляемого Патриархом, и Собора под председательством того же Патриарха. Эксперты нащупывали почву сопряжения канонических правил, исторических прецедентов, текущих нужд Церкви и современных взглядов на церковное благо.

*Патриарх
Московский
и всея России
Тихон*

Обращает на себя внимание центральная роль епископата в составе Повременных Соборов, притом что, как и на первом Чрезвычайном Соборе, в состав периодически созываемых помимо епископов входят клирики и миряне¹⁴. Представители от духовенства и верующего народа могли участвовать в соборных обсуждениях лишь с правом совещательного голоса,

а в некоторых случаях и вовсе не должны были присутствовать на заседаниях, если стояли вопросы, подлежащие, согласно каноническим правилам, не только решению, но и обсуждению одними епископами.

Устанавливалась периодичность созыва Поместных Соборов — они должны были собираться по мере необходимости, но не реже одного раза в десять лет.

В целом подход к разработке положений, посвященных Повременным Соборам, определялся опытом работы Присутствия над первым Чрезвычайным Поместным Собором. В основных чертах подготовка Повременных Соборов должна была повторять ожидаемый Собор Российской Церкви. По мысли профессора И. С. Бердникова, это касалось формулирования вопросов для соборного обсуждения, направления их в епархии на предварительное рассмотрение с участием епископов, клира и мирян, систематизации полученных откликов в канцелярии Синода, которая и формирует доклады для Собора. В случае если среди вопросов окажутся требующие научного осмысления и экспертной оценки, Синод создает специальную комиссию (аналог Предсоборного Присутствия), которая и изучает такие вопросы на должном уровне¹⁵.

Члены Присутствия, завершая конструированием Повременных Соборов все здание высшего церковного управления, исходили из понимания их важной роли как инструмента обеспечения самостоятельности Российской Церкви в ее внутренних делах, а также соборности в решении общецерковных вопросов. В предсоборной дискуссии много времени и внимания было посвящено осмыслению взаимосвязи Собора и Синода. В положения Присутствия не вошли многие важные детали, призванные уточнить компетенции Собора и Синода, их субординацию. Однако вряд ли можно было ожидать от предсоборного органа результата, который позволил бы до мелочей разобрать особенности разграничения сфер ответственности и взаимосвязи полномочий этих структур. Эксперты работали на мольберте высшего церковного управления крупными мазками, предпочитая оставить тонкую работу для следующего этапа вдумчивых трудов, в том числе для участников первого Чрезвычайного Поместного Собора.

Планы реформирования церковно-государственных отношений

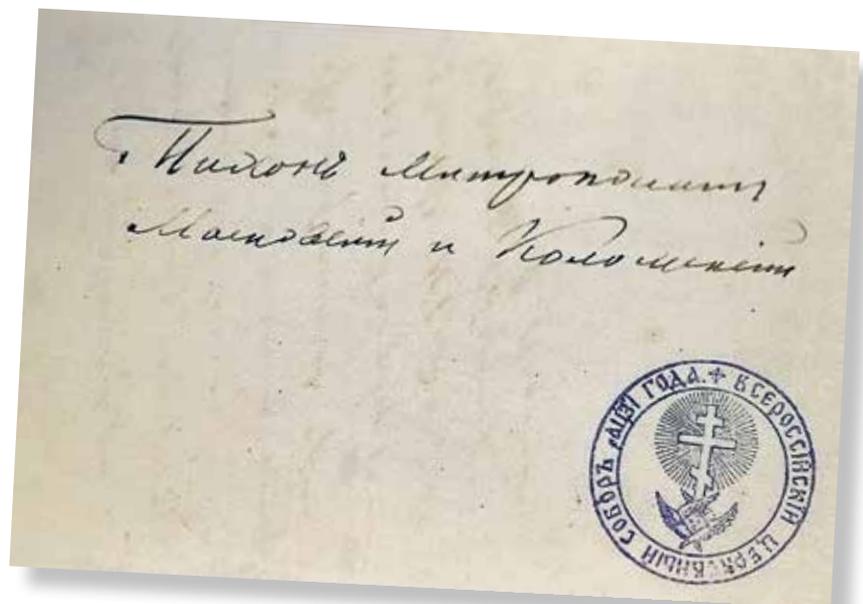
Создание системы высшего церковного управления с Повременными Соборами, возглавляемыми Патриархом, с постоянным Синодом под председательством Патриарха не завершило проектные работы. Нужно было решить вопрос отношения системы высшего управления Церкви к власти российского монарха. Эти фундаментальные структуры рассматривались в единой связи, и невозможно было реформировать органы высшей власти и управления Российской Церкви, не изменив церковно-государственных отношений.

Церковные эксперты должны были осмыслить отношение Церкви к государству в изменившихся политических условиях. Принятием 17 апреля 1905 года императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости» поколебался привилегированный статус Российской Церкви. Более того, ее положение было признано ущербным даже по сравнению с сектантскими сообществами, коим предоставлялась автономия во внутренних делах. Известно, что высшее управление Российской Церкви было встроено в систему государственных органов и восходило к императору. Однако если до революционных событий 1905–1906 годов это подчинение оправдывалось отношением к государственной власти как власти православной, то с учреждением Государственной думы, не связанной по своему составу с Православием, возникал вопрос: а могут ли далее сохраняться отношения между Церковью и государством так, как они установились два столетия назад? Ведь, согласно статье 7 Основных государственных законов в редакции от 23 апреля 1906 года, «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думою»¹⁶. Такое положение дел угрожало вторжением неправославного элемента в сферу разработки законодательства о Церкви.

Анахронизмом, тормозившим развитие церковной жизни, была невозможность Церкви издавать для себя нормы и правила. Русская Церковь фактически находилась под внешним управлением со стороны государства. Законодательство в отношении Церкви являлось монопо-

лией светской власти, которая не согласовывала с Синодом законопроекты, призванные регулировать различные сферы церковной жизни. Церковь не имела права законодательной инициативы. Такая порочная практика требовала изменения.

13 и 14 июня 1906 года Общим собранием Присутствия были приняты положения об отношении высшего правительства Православной Российской Церкви к верховной государственной власти. Согласно документу, Российская Церковь свободно осуществляет управление своими внутренними делами посредством собственных учреждений. Ведение церковных дел

осуществляется «под верховной защитой Государя Императора»¹⁷. Церковь наделялась правом издавать для себя постановления с дозволения монарха. Постановления предстоящего Чрезвычайного Собора и последующих Повременных Соборов, а также распоряжения Синода «руководственного характера»¹⁸ должны направляться через Патриарха императору на его благоусмотрение.

Без согласия императора нельзя было созвать Собор, придать законность его решениям, легализовать избрание Патриарха. Приговор суда епископов над Патриархом не мог вступить в силу без согласия на то монарха. Императору представляется отчет о церковных делах за истекший год. Монарх лично или через своего представителя присутствует на Чрезвычайном Соборе и на Повременных Соборах.

Жребий с именем митрополита Тихона

Фото Михаила Еремича

Издание Деяний Священного Собора 1917–1918 гг. в экспозиции Музея новомучеников и исповедников Церкви Русской, расположенного в стенах Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в Москве

Таким образом, положение императора по отношению к Церкви, в соответствии с документом, предусматривалось не только как покровительствующее, но и как контролирующее, поскольку монарх мог и не утвердить то или иное соборное постановление, распоряжение Синода, соборное избрание Патриарха или решение суда епископов в отношении Первоиерарха. Поместный Собор Российской Церкви должен был подчиняться волеизъявлению государя, в том числе в вопросе собственного созыва. Содержание положений было предсказуемым и закономерным. Они просто не могли быть иными при условии сохранения в России императорской власти. В то же время Церковь добровольно поступалась частью своей автономии в пользу высшей государственной власти, поскольку не была готова лишиться государственной поддержки, в том числе финансовой, покрывавшей многие статьи текущих расходов на центральном и епархиальном уровнях, а также опасалась остаться без покровительства государя в условиях, когда все более усиливались политические и общественные силы, выступавшие с антицерковных позиций.

Исторически сформировавшийся тезис о том, что российское государство — это государство православное, оспаривался в ходе тогдашней общественно-политической дискуссии, ослаб-

лялся под воздействием государственных реформ. Лишь император, согласно Основным законам долженствующий исповедовать Православие¹⁹, воспринимался мощным инструментом преимущества Российской Церкви в сравнении с другими христианскими исповеданиями и религиями в России, ее защитником. Нельзя забывать, что Церковь в России имела исторические тесные связи с государством, опиралась на него. В условиях политических преобразований начала XX века Церковь нуждалась в сохранении связей с государственной властью. Но в лице какого органа или учреждения? Государственная дума не стремилась обеспечивать особый режим для Церкви, имела разноконфессиональный и полирелигиозный состав. Взгляды Церкви были устремлены на монарха. Ему-то, как высшему носителю государственной власти, при этом непременно православному, «первому мирянину», и предполагалось предоставить особые привилегии в отношении решений органов высшей власти и управления Российской Церкви. В таком случае император выступал не просто ктитором или представителем мирян в Церкви, а деятельным участником жизни Церкви, на которую оказывал влияние лично или через своего уполномоченного представителя — обер-прокурора.

Церковные эксперты расходились во взглядах на место и роль обер-прокурора в работе Синода²⁰. Одни считали его наблюдателем за соответствием синодальных решений государственному законодательству и интересам властей, другие видели в чиновнике активную фигуру, вовлеченную в решение синодальных дел. К числу последних принадлежал Н. Д. Кузнецов. Он полагал, что предоставлением обер-прокурору возможности активно участвовать в церковных делах будет подчеркиваться роль государя как покровителя Церкви, покровителя активного и попечительного. Церковный эксперт выражал мнение, что отводить обер-прокурору роль наблюдателя в Синоде — значит становиться на путь отделения Церкви от государства²¹. Подобная угроза в те годы звучала в церковной среде ужасной радикальной идеей, которую выставляли пугалом в общественной дискуссии. Однако наиболее дальновидные эксперты в 1906 году прогнозировали в России подобный сценарий.

Апрельский 1905 года указ «Об укреплении начал веротерпимости» можно было расценить как шаг на пути введения в России паритетной системы взаимоотношений государства и религиозных общин. Государство устанавливает общий для всех религий правовой режим, обеспечивает их равенство перед законом, предоставляет им равные возможности. И это был лишь первый шаг на пути к полному отделению религии и Церкви от государства.

Предсоборное Присутствие решило задачу разработки приемлемой и для Церкви, и для государства модели взаимоотношений, которая стала рекомендуемым компромиссным решением. С одной стороны, такая модель позволяла провести преобразования высшего церковного управления на основе соборности и возглавления Церкви Патриархом, утвердить принцип автономности Церкви в решении внутренних дел и вопросов²², а с другой стороны, не влекла за собой уничтожения или коренного преобразования уже сложившихся института патроната над Российской Церковью со стороны государя, выражаемого в том числе в защите интересов Церкви и государственном финансировании церковных просветительских трудов, а также института обер-прокуратуры. Иными словами,

плодом работы Присутствия явилось проектирование взаимовыгодных партнерских отношений Церкви и государства.

* * *

Труды, понесенные участниками Предсоборного Присутствия, стали важным этапом развития церковной жизни в России. Во-первых, дискуссия на заседаниях Присутствия показала, что Церковь может самостоятельно искать пути обустройства своего высшего управления, выступать с предложениями по выстраиванию церковно-государственных отношений, отвечающих новым общественно-политическим реалиям. Такую способность и состоятельность Церкви было важно проверить на деле, поскольку на протяжении двух веков в Российской Церкви Соборы не проводились, а потому отсутствовал и опыт соборной дискуссии. Во-вторых, участники Присутствия смогли доказать, что важные церковные темы могут сообща обсуждать представители разных взглядов на будущее Церкви — представители консервативных и либеральных кругов. И не только совместно работать, но и достигать итога в форме предложений для предстоящего Собора. И в-третьих, церковная дискуссия на заседаниях Присутствия показала, что она может вестись на высоком профессиональном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Титул Патриарха, который было решено присвоить председателю Синода и Первоиерарху Российской Церкви, был принят большинством голосов (14 против 8) членов I отдела Присутствия.

² Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 1. С. 289.

³ Председателя Синода нужно отличать от первоприсутствующего в Синоде иерарха. Последний не был председателем коллегиального органа, поскольку не формировал повестку заседаний, не руководил работой Синода, не контролировал исполнение синодальных решений и не предпринимал мер по реагированию на недостатки в исполнительной дисциплине.

⁴ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1. С. 237.

⁵ См.: Там же. Т. 1. С. 285.

⁶ Там же. Т. 1. С. 293.

⁷ Там же. Т. 1. С. 294.

⁸ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 2. С. 503.

⁹ Профессор Н. А. Заозерский и присоединившийся к нему протоиерей П. Я. Светлов полагали, что различие Чрезвычайного Собора и Повременных Соборов недопустимо ни канонически, ни по существу. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2. С. 303.

¹⁰ Н. П. Аксаков на сей счет имел свое мнение. Он считал, что поскольку для всех Соборов должен быть один образец, то каноничным может быть только один Собор, а потому если первый (Чрезвычайный) Собор будет спроектирован по известным нормам и если эти нормы будут изменены им для последующих Повременных Соборов, то он не может считаться каноничным. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2. С. 303.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 304.

¹² Приняты на Общем собрании 12 июня 1906 года и оформлены протоколом № 5 заседаний Высочайше учрежденного Присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на Всероссийском Церковном Соборе.

¹³ Такую точку зрения защищали на Общем собрании Присутствия Н. П. Аксаков и М. А. Остроумов. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2. С. 526.

¹⁴ Епархиальные архиереи по должности призваны являться на Собор лично либо делегировать представителям правомочия участников Собора. Порядок же избрания делегатов от клира и мирян предполагался тот же, что и для Чрезвычайного Собора.

¹⁵ См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1. С. 318.

¹⁶ Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. С. 457.

¹⁷ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2. С. 594.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 413. В I отделе Присутствия звучали возражения касательно именованья распоряжений Синода, нуждающихся в императорском утверждении. В частности, термин «руководственного характера» признавался некоторыми членами отдела неудачным, поскольку Синод рассматривает и многие другие дела, решения которых нельзя отнести к числу имеющих «руководственный характер», в частности, решения по вопросам отчуждения церковной земли или учреждения новой епархии. Посему предлагалось данный термин заменить выражением «общего характера». Это предложение не было поддержано большинством членов I отдела.

¹⁹ Статья 41 Основных законов гласит: «Император, престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме веры Православной» (Свод законов Российской империи. Основные государственные законы. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1857. С. 10).

²⁰ Не все эксперты в I отделе были согласны с таким именованьем государственного чиновника. Так, А. А. Нейдгардт предлагал во избежание иностранного именованья сановника назвать его «царским уполномоченным при Священном Синоде» (Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1. С. 415).

²¹ См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1. С. 418.

²² Н. Н. Глубоковский на заседании I отдела Присутствия свидетельствовал: «...мы должны с особой выразительностью отметить церковную «автономность» для указания независимости Церкви в ее собственной религиозной области. Это для нас наиболее существенный момент, и замалчивать его было бы губительно, а сглаживать — опасно» (Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1. С. 410).